

ВОСПИТАНИЕ Ч У В С Т В

Ленинградскому ТЮЗу — 50 лет

ЕСТЬ ТАКОЕ, очень популярное в лек научно-технической революции понятие — «обратная связь». Оно применимо и к искусству. Каждый театр мечтает, чтобы у него эта «обратная связь» была и проявлялась наиболее очевидно в непосредственной реакции зала, в письмах зрителей, в том нравственном «последствии» спектакля, которое может неожиданно обнаружиться и годы спустя...

У каждого театра — свой счет похвальных сигналов. Но есть в Ленинграде один, который так и хочется назвать «Театр обратных связей». Потому что «связь» здесь — в каком сплошном потоке, и ни в каком другом театре нельзя так наглядно убедиться в возвышающей, облагораживающей, создающей силе искусства.

Это Театр юного зрителя, вторая ребятня Школа (как в свое время вторым Университетом почитали Московский Малый театр). А о том, какую роль играет ТЮЗ в жизни своих зрителей, говорит хотя бы вот эти строки из письма, присланного по его адресу: «Была бы я министром культуры, и бы все театры сделала детскими. Зачем взрослым столько много спектаклей, их все равно не пересмотришь, а детям можно столько много вложить во время роста, что не нужно будет потом взрослому пересопитывать...»

Не умаляйте детской категоричности — здесь сказано правда, правда о силе духовного воздействия театра на ребенка.

«Театром особого назначения» называла свое детство создатель ТЮЗа А. А. Брицкев. Это название он видел в особом сочетании искусства и педагогики, в общественно-воспитательной роли театра, его участия в том, что сегодня мы называем процессом социализации личности юного гражданина.

Прошло полвека. Сменялись поколения и на сцене, и в зале. Но театр по-прежнему высоко несет знамя революции.

Удивительная атмосфера царит в зале на спектакле «После казни прощу...» — о герое 1905 года лейтенанте Шмидте. Атмосфера воинской чистоты и одухотворенности. Слушают внимательно, тихо, сосредоточенно. Серьезные лица. Зрители не только все ряды амфитеатра, сидят и в проходах, на ступеньках (как студенты на спектаклях Московского Художественного театра в пору его юности). Кажется, что это физически ощутимое сообщество зрителей просто необходимо, они не только отдают, они — часть спектакля, но утверждают в себе и нем, свое духовное братство. Искра разгорается со своим старшим зрителем «на равных». «Какие вы?» — этим аккордом заканчивается спектакль.

И приходит отклик: «После казни прощу...» мне не просто нравится, а я даже чувствую себя лучше, чище, уходя со спектакля. Иск вычитю Блока и вдруг, не зная почему, приходит в голову Шмидт... Или иду по улице, думаю о чем-то, и опять Шмидт, и сразу как-то хорошо... Сколько раз смотрю спектакль и все сдержанно дышащее, в сильном напряжении. И странно, каждый раз открываю что-нибудь новое для себя, это чудо какое-то...

«Делать так же достойно премия Ленинского комсомола.

А в другой вечер в зале — подростки, и на глазах ребят творится легенда, прекрасная песня о героине гражданской войны Олеко Дудчак. В луче света загорается красная звезда на буденовском шлеме, брошеном на походный барабан, тренькается на ветру бумбук — маленькое треугольное красное полотнище на длинном древке, будто половина проперского галстука. В зале шумно, здесь смеются и кричат, физически ощущая радость подымающую на крыльях радость звонкого, бессмертного бытия.

Пережитое с такой силой не может пройти для человека бесследно.

...А. Ф. Макарьев, соратник Брицкева, тюзовский драматург, актер, воспитатель театральной молодежи, рассказывал, как звонил в театр с передовой линии обороны блокадного Ленинграда бывшие юные зрители и вспоминали спектакли, которые в тот час вновь острали их сердце мужеством — «Продолжение» следуют А. Бруштейн, «Белет парус одинокий» В. Катаев, «Детство маршала» И. Всеволодского... Они отставали в бою те идеалы, которые внушил им еще с детства театр.

ВОСПИТАНИЕ начинается с доброты и красоты — это первая заповедь сказочных спектаклей для младшего возраста. «Конек-горбунко» понаравни за доброту», — так написал на клочке серой бумаги маленький зритель 20-х годов.

...Звонят хрустальным перезвоном мелодия «Волшебного стеклышка». Нависла над голыми деревьями черная дождя тучка: на желтом поле, где еще только что стоял солнечный яркое снопы, набежала белая пелена, белым подернулись лужи слок... Все эти чудесные превращения происходят прямо на глазах зала, здесь действует вся магия театра — музыка, цвет, свет, ритм. Театр овладевает в сотворчестве поэтическую фантазию ребят. И все это для того, чтобы они отдали свое сердце почтальову Колабае, оценили его незаметный подвиг служения чужому счастью.

Писатель Юрий Любимов, автор тонких и глубоких человеческих рассказов для детей, сказал однажды: «Спросите ребенка: что такое красивый человек? И он вам ответит — Это хороший человек».

И действительно самым красивым для маленьких зрителей оказывается неказистый на вид старенький почтальов, а на мир они учатся смотреть через волшебное стеклышко, которым одарил их театр.

Для младших ребят, проходящих эту эстетически-нравственную школу ТЮЗа, понятным и близким человеком оказывается и девочка Катя из пьесы М. Родина «Радуга зимой» — добрая фантазерка, которая отгораживает задедлинные в стужу столам деревьев своим ладонями, величаво разговаривает со старой лошадкой и всем своим горячим сердечником сразу же откликается на беду чужого мальчишка. Они сочувствуют и маленькому неведомому Тамму, рыскающему мамонтом (из пьесы И. Ольжанинского, по рассказу А. Азимова), чудом перенесенному в будущее время, и с увлечением приключений, как должно, поднимает самоопределение его воспитательницы.

Сказка — поэзия фантастика — все «пластится» в эстетическую восприимчивость, давая единый нравственный итог. Ибо ТЮЗ — это подлинная школа воспитания чувств.

НО НЕТ ничего в этой школе от умалой и навойной дидактики. Театр окуная ребят в стихию радости творчества, вытворяющих, игры, смеха, и в этой игре проходит вместе со зрителем путь от легкой шутки до философского размышления.

Таков путь цикла спектаклей, поставленных главным режиссером Э. Я. Коргодским вместе с такой молодой актерской порослью — теми разных по смыслу и единых по духу спектаклей, названия которых начинаются с одного и того же слова «Наш» — «Наш цирк», «Наш, только наш», «Наш Чукковский». От простого и сложному, от увлекательного и веселого к пародии, искрометной, язвливой иронии и осмыслению общественных явлений. Но все — красочно, звонко, радостно, как на правдивом карнавале. Зал смеется до упаду, до слезных слез. А потом в театр приходит нытье, и в зрительном «Человек и общество» — эти вопросы, нам кажется, всегда ставит и разрешает ТЮЗ. Об этом и «Наш Чукковский». К сожалению, есть еще люди, которые боится «Тараньяна». Смешно, красиво и очень серьезно. И подлинно: «деститикассикно».

Смысл всех частей триптиха «Наш Чукковский» одинаков. Замечает воспитательница: «Зачем может победить, если не бороться с ним».

Так театр предупреждает гражданскую ответственность молодежи, он воспитывает бойцов и одновременно людей, впитывающих дух своего склада, легко и радостно вступающих на многолюдном языке искусства.

Последнее весьма немаловажно. Ибо сегодня наш ТЮЗ — один из самых интересных, творческих театров. Старый бригадский завет — воспитывать прекрасные — реализуется сегодня на уровне современных исканий режиссуры, здесь царит дух всеполюзорной и бескомпромиссно-стройкой к себе студийности, ценится игра фантазии и разведка ума.

И НЕ РВЕТСЯ девочка истинно тюзовская традиция. Ибо старшим помнят, а молодые знают, как Брицкев еще в преддверии ТЮЗа искал природу образности детского театра, дамыгривая с детьми строки пушкинских сказок, и девочки с увлечением «изображали» море. Здесь была заложена азбука основности художественного языка. А воспитательно озорной спектакль-игра «Дон-Кихот» А. Бруштейн и Б. Зона была, по существу, еще тогда, в 20-е годы, первым мюзиклом для детей, и от него, наверно, можно протянуть ниточку и к сегодняшнему синтетическому игровому «нашему» циклу... Дело отнюдь не в уподоблении ТЮЗа в настоящем искусстве никогда не бывает повторений, сейчас другое время, и творит другой художник. Но бесконечно важно, что ТЮЗ вновь утверждает себя, как театр высокой эстетической культуры, что за последние годы он воспитал уже новые поколения зрителей, которым доступны самый богатый, многокрасочный и тонко оттеночный язык современного театра. И с этим зрелищем ТЮЗ устанавливает высокий художественный уровень разговора, для нравственному через эстетические амплии, т. е. в полной мере осуществляя свою миссию — воспитывать средства имени театра. Имя главный бригадский завет — в ТЮЗе и сегодня работают художники сцены, умеющие мыслить, как педагоги, и педагоги, способные чувствовать, как художники.

ТЮЗ помогает становлению личности своего зрителя, пробуждению его самознания, собственного достоинства и способности противостоять враждебному влиянию мещанства, сеголюбия, бедности, хамства.

«Мы стремимся воспитывать в людях уважение к человеку» — эти слова Антуана де Сент-Экзюпери можно было прочесть в фойе театра на сцене, посвященном постановке пьесы Р. Погодина «Треть-брюсь». И, как уже звучат фразы из выступлений ребят на диспуте после этого спектакля: «Личность имеет право быть личностью». «Язы не исчезает сама по себе — они порождают себе подобных».

Так вот спектакль, сложный по своему остро современному театральному языку, предлагающий ребятам всекое зрелище, но на уровне философского притча, амыла у подростков по-взрослому серьезные размышления.

В нашем ТЮЗе когда разговаривают с детьми все разговоры только всерьез, да большинство человеческому счастью. Деформы и способ разворонки идут уже применяю алью и воодушевить зрителя и к художественной «верде» театра, но каждый раз, не преседая на жорточка перед залом, и поднимая его до себя. Вероятно, поэтому и были выношены такие дорожки для ТЮЗа строки: «Я очень люблю этот театр, он мудрые спектакли, ставящие перед зрителем вопросы, на которые не всякий взрослый сможет ответить».

А то, что в зале, в самых разных спектаклях, можно увидеть сегодня не только ребят, но и взрослых, то и это не в укор театру. Ведь еще Брицкев утверждал, что если детский спектакль неинтересен взрослому зрителю, то это плохой спектакль. ТЮЗ знает, что успех процесса воспитания зависит и от степени воспитанности самих воспитателей. Поэтому он так настойчиво адресует в школе в семье, вербуя своих единомышленников, сражаясь с инкогнито.

Нередко поговаривают, что в век научно-технической революции скучают людские чувства, безнужно, стареет душа. Но ТЮЗ не стареет. Последнее действие его — это годы счастливой, вновь возмужавшей молодости, радости творчества. ТЮЗ неустанно умоляет богатства детской души, вызывая в нем прекрасные порывы.

Т. МАРИНКО